

Когда приходит Золотой Медведь

Описание:

Аниматроники не умеют плакать, но они способны страдать, точно так же, как и люди. Они умеют привязываться.

POV Фокси

Через двери пиццерии Фредди Фазбеар прошло слишком много охранников, чтобы помнить всех в лицо, а тем-более пытаться сосчитать. Майк Шмидт для нас, аниматроников, был очередным работягой, искавшим легкие деньги – милое дело ведь, сидеть себе всю ночь на посту охранника, да подремывать. Но в нашем заведении все было отнюдь не так просто, как казалось на первый взгляд, ибо любой, кто подписывал договор о трудоустройстве, вместе с этим подписывался и на правила нашей негласной игры, о которой люди даже не подозревали. Обычно новоиспеченному охраннику хватало всего лишь одной ночи в нашей компании, после чего бедняга пулей вылетал из заведения, даже не взяв платы за отработанное время. Но Майк оказался совсем другим, это я понял с первых же часов. Обычно обрабатывать своих пациентов я начинаю со второй ночи, а в первую лишь сижу под дверью, спрятавшись в тени, чтобы человек не заметил меня при включении света в коридоре. Совсем еще молодой, с растрепанными каштановыми волосами, он восседал в кресле, закутавшись в теплую куртку, заткнув уши наушниками. У парня оказалась исключительная интуиция, поэтому он, даже слушая музыку на полную громкость, сразу почувствовал, что рядом с ним кто-то есть. Показываться ему на глаза в первую ночь было не по правилам, повторюсь, поэтому мне ничего не оставалось, как продолжать сидеть в тени и наблюдать за поведением человека.

– Кто здесь? – снимая наушники спросил парень.

Это меня не удивило – таким вопросом задавались абсолютно все, кто до этого был на его месте. Разумеется, ответа не последовало. Шмидт был в курсе наличия в пиццерии аниматроников, так как предыдущий парень оставил ему звуковое сообщение в качестве наставления.

– Знаешь, – внезапно продолжил человек, уверенный, что его кто-нибудь слышит. – То, как я сюда попал – настолько длинная и грустная история, что я и врагу не пожелал бы подобного.

И он начал рассказывать, произведя тем самым огромное впечатление на меня. Это был первый человек, который со мной заговорил за все время, проведенное в затворничестве, пускай и вслепую, не зная, к кому он обращается. Но я слушал. Seriously. Периодически отвечал ему легким постукиванием крюка об пол, что Майка в своем роде забавляло, ибо парнишка, судя по всему, был тем еще фантазером и представлял, что разговаривает с призраками. Прошел ровно час – в это время «просыпался» Бонни и начиналось самое веселье. Рассказ Майка прервало шарканье металлических лап по полу в коридоре, которое эхом разнеслось по всему заведению, заставив парня посмотреть на камеры. Обнаружив, что зайца нет на месте, он тихо ругнулся. Шарканье повторилось, но на этот раз уже совсем рядом, и я увидел Бонни, который подмигнул мне и оскалил свою механическую пасть, переставая шаркать и тихонько подкрадываясь к двери. Майк уже что-то заподозрил, поэтому включил свет, дабы проверить левый коридор, где находились я и заяц. В сдавленном вскрике парня отчетливо

проскочило матерное слово, стоило лучу света упасть на фиолетовую морду, а затем двери закрылись.

— Бонни, уходи отсюда, — тихо прошипел я зайцу, отчего тот непонимающе уставился на меня. — Иди, я потом все объясню. На сегодня с него хватит.

И он ушел, продолжая удивленно оборачиваться в мою сторону, пока не скрылся за поворотом. Видимо, Бонни сообщил все Чике, ибо та за сегодня и вовсе не появилась. Майк вынужден был открыть дверь, так как она требовала слишком много электроэнергии, которая у охранника была ограниченным ресурсом и использовать его стоило с умом. Немного успокоившийся Шмидт продолжал что-то рассказывать, пока сон не сморил его. Остаток ночи прошел для человека спокойно.

Днем Чика и Бонни расспросили меня, что же случилось, и я рассказал им все. Понимаете, с того инцидента в далеком 1987 году прошло слишком много лет и нас изолировали от людей в страхе, что подобное может повториться снова. Признаюсь, тогда у меня был плохой день, и я просто вышел из себя, накинувшись на ни в чем неповинного ребенка. Я не любил детей, не любил того, что они называли меня большой милой игрушкой. Нет. Я не игрушка. Ни за что. И ни разу не милый. Я — аниматроник, в которого заложена некая программа и она не предусматривает того, чтобы возиться с человеческим отродьем. Впрочем, откусывание лобных долей у детей тоже не предусмотрено, но, повторюсь, я вышел из себя. Сбой программы. Однако из-за моей оплошности под удар попали абсолютно все аниматроники. Нас не пускали к людям, но просто так отключить и отправить в утиль у людей не поднялась рука — слишком уж много денег на нас потратили в свое время. Зато мы остались лицом пиццерии, чему Фредди, Бонни и Чика были в принципе рады.

Несмотря на то, что Майку пришлось пережить в первую ночь, он пришел снова. В этот раз по правилам игры начинался мой выход. Я отдернул занавеску, включил лампы в глазах и застыл на одном месте, неотрывно смотря в камеру, ожидая, пока на ней два раза подряд моргнет красный огонек — знак того, что охранник переключился на эту камеру. Для меня это был сигнал к началу действия — спринтерского забега в сторону его поста где-то секунд через пять. Шмидт быстро понял мои условия, поэтому вовремя успевал закрывать двери, чему я был рад, ведь стоило мне проникнуть в его комнату, человек автоматически считался проигравшим. Чуть позже я снова сидел у него под дверью, ведя с ним диалог — он говорил, а я постукивал крюком по полу в ответ.

Я привык к нему. Даже привязался, наверное. Никто из моих коллег аниматроников не страдал от случившегося в 87 сильнее, чем я, ведь, пожелав секундного покоя, я обрек себя на вечное одиночество. Я не монстр и не хочу внушать людям страх. Майк не боялся своего собеседника, и это подкупило меня в высшей степени. Так продолжалось ровно шесть ночей, а потом пришел Он, и все изменилось.

Бонни, Чика и я не были способны видеть Его, лишь слышали низкочастотный шипящий голос — пугающий и неприятный до омерзения. Но Фредди однажды сказал нам, что Он — копия самого медведя, но только грязно-желтого цвета, с пустыми и оттого наводящими ужас глазницами. Золотой Фредди появлялся не так часто, но для нас его периодические явления было настоящим стрессом. Тяжело сказать, кем, или чем являлась эта эфемерная bestия, но телесного воплощения у него, как такового не было. Лишь голос и видения нашего друга.

И вот, в последнюю ночь, когда вся наша компания уже единогласно решила отпустить Майка домой, ибо тот честно вытерпел игру, явился Он, однако

никто кроме меня не услышал уже до боли знакомые низкие частоты. Фредди, Бонни и Чика с ужасом смотрели на то, как меня скрючило в три погибели от невыносимо громкого голоса в моей механической черепной коробке. Перед глазами появилась грязно-желтая медвежья морда с черными пустыми глазницами. Золотой Фредди приказывал мне сделать это. Он приказывал убить человека. Он стал моим эндоскелетом и теперь управлял мной, как марионеткой. Я, а точнее Фредди, не дал Майку времени в этот раз, поэтому молниеносно преодолев расстояние от пиратской бухты до комнаты охранника, моя механическая туша ввалилась туда. Огромные голубые глаза, полные страха, ужаса и отчаяния останутся в моей памяти навсегда, равно как и кровь человека, стекающая по крюку на пол. После совершенного, Он отпустил меня и шум в голове прекратился, а на смену ему пришла еще более гнетущая тишина.

Часы шли, а я все еще держал в руках тело своего друга. Маленькое. Изломанное. Сломленное. Аниматроники не умеют плакать, но они способны страдать, точно так же, как и люди. Они умеют привязываться.